

16.10.2003 08:53 Мск

ТРУБАДУР СОВРЕМЕННОЙ ГЕНЕТИКИ / ЭСКИЗ ПОРТРЕТА ТИМОФЕЕВА-РЕСОВСКОГО

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский ушел из жизни в 1981 году. Удивительно, но даже спустя десятилетия с момента его смерти, многие (и я не исключение) оказываются под впечатлением этой талантливой и сильной натуры, становятся жертвой того магнетизма, коим, по рассказам современников, обладал Тимофеев-Ресовский. Он любил расточать себя, дарить всякому – будь то коллега по учению или соседский ребенок. И люди с удовольствием пользовались этими дарами, сохраняя на киноплёнке обрывки его лекций, записывая переживания личных встреч или же попросту впитывая частицы его размышлений. Воспоминания о нем разбросаны по миру – наука сделала Тимофеева-Ресовского человеком вселенной: и по количеству вмещаемых им знаний, и по особому космополитичному складу ума, коим обладают преимущественно ученые.

Будучи гражданином России («...я родился русским и не вижу никаких средств изменить этот факт...»), он свободно владел тремя языками (дворянское происхождение плюс учеба в лучших московских гимназиях). Становление его как ученого проходило в начале 20-х годов в Москве, где молодой Николай учился в государственном университете и параллельно работал научным сотрудником Института экспериментальной биологии у профессора Кольцова – генетика первой волны. От него и сподвижника профессора – Четверякова – Тимофеев-Ресовский получил мощный импульс, который на десятилетия определил круг его научных интересов в области генетики: фенотипика, закономерности мутагенеза и молекулярная природа генов, популяционная генетика и теория микроэволюции.

По рекомендации же Кольцова в 1925 году он с женой уезжает в Берлин для организации лаборатории генетики в Институте мозга. До 1945 года жил и работал в Берлин-Бухе. В 1937 году, несмотря на настойчивые предложения, отказался вернуться из Германии на Родину. Причиной такого решения стало письмо учителя Николая Кольцова, в котором тот непрозрачно намекал на репрессии, постигшие советскую генетику и рекомендовал своему молодому другу воздержаться от возвращения.

Самый неоднозначный и до сих пор спорный эпизод – кусок жизни прообраза гранинского "зубра".

Правда №1 .Это позволило ему избежать нездоровой изоляции, в которой находилась советская наука. И хотя нельзя утверждать, что пребывание в России сузило бы его научные изыскания (ведь работал же кольцовский институт и не просто работал, а по утверждению самого Тимофеева-Ресовского, «создал школу современного направления в эволюционном учении, то, что Джулиан Хаксли потом уже, в 40-е годы, назвал синтетической эволюцией, понимая под этим синтез генетики и классического эволюционного учения»). Однако, никто бы не смог поручиться за то, что ученого-генетика не постигла бы участь Вавилова и прочих «лжеученых». Иное дело Германия. Здесь Тимофеев-Ресовский получил, по его выражению, «счастливейшее сочетание условий, позволившее познакомиться, а в ряде случаев сдружиться навсегда, со многими крупнейшими математиками, физиками, химиками, геологами, географами и биологами». С конца тридцатых и до начала войны Николай Владимирович имел возможность регулярно посещать международные семинары «Круга Нильса Бора», проходившие на «симпатичных курортах Дании, Голландии, Бельгии». В 1932 году совместно с

женой принимал участие во Всемирном генетическом конгрессе в США. В 1938 был избран научным членом Общества содействия наукам им. Кайзера Вильгельма и почетным членом Итальянского общества экспериментальной биологии, в 1940 году – действительным членом Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина» в Галле. В 1939 году он был награжден медалью имени Лазаро Спалланцани (Италия). Наконец, именно в довоенной Германии Тимофеевым-Ресовским совместно с М.Дельбрюком и К.Циммером была написана знаменитая «Зеленая тетрадь» - статья «О природе генных мутаций и структуре гена», легшая в основу молекулярной генетики. *“Я лично с 40-х годов больше этим не занимаюсь. Правда, меня многие, особенно там, за рубежом, считают чем-то вроде деда этого направления. Потому что новая послевоенная редакция его была запущена Дельбрюком, а Дельбрюку соответствующую вещь я заправил в мозги в 30-е годы. Вот с этого, в сущности, пошло все, с этой самой нашей классической, так называемой, “зеленой тетрадки” Геттингенского общества наук. Ну и пусть, значит, дальше развивается на доброе здоровье.”*(Н.В.Тимофеев-Ресовский)

Правда № 2. "Основной постулат авторов, превративших ученого в икону, в кумира: он не вернулся в Союз из-за "лысенковщины" 37-го года - во-первых, из-за невозможности прекратить свои исследования - во-вторых" - пишет Яснев,- " А меня и не интересуют правовые аспекты того, что советский гражданин жил и работал в Германии с 1925 по 1945 год. Более того, нет смысла обсуждать вопрос выбора - это материя тонкая. Альберт Эйнштейн и Лизе Мейтнер решили этот вопрос по-своему, Николай Тимофеев-Ресовский - по-своему. Гораздо более интересно другое: а как получилось, что советский гражданин двадцать лет работал в Институте исследования мозга Общества содействия наукам имени кайзера Вильгельма в пригороде Берлина Бухе, пребывая все эти годы именно в качестве советского гражданина?"

Итак. 1925 год. Тимофеев-Ресовский начал работу в Институте мозга. Тогда же в Локарно между Германией и странами Запада был заключен пакт, который ими же самими иначе как "антисоветским" не назывался. 1933 год. Тимофеев-Ресовский - заведующий генетическим отделением. Рейхсканцлер Гитлер во время посещения генерала пехоты барона Гаммерштейн-Экворда заявил, что "не будут терпеться никакие пацифистские настроения, марксизм должен быть истреблен огнем и мечом". 1937 год. Советский ученый становится заведующим отделом генетики и биофизики. Штатных сотрудников под его началом - около трех десятков. 1941 год. Уже 22 июня были интернированы экипажи всех советских торговых судов, стоявших в портах Германии. Всю войну моряки провели в концлагерях. Ограничения для Тимофеева-Ресовского - раз в неделю отмечаться в полицейском участке и слушать только немецкие радиопередачи. А с конца 1942 года начальник буховской полиции "галочки"-отметки стал ставить сам. 1943 год.

Вести этот ряд можно, не прерываясь, до самого 1945 года. Перечисленные же выше факты являются небольшой иллюстрацией, характеристикой того места и того времени, в котором существовал Тимофеев-Ресовский. А теперь давайте спросим сами себя еще раз: при каких условиях, по каким причинам могло такое случиться, что человек с советским паспортом жил и работал в гитлеровской Германии, занимаясь, но утверждениям подавляющего большинства авторов, чистой наукой? Могло ли такое быть? И если могло - то почему?

Ответов нет до сих пор, гипотез хоть отбавляй. Вот только две из них, которые приводит тот же Яснев: либо "под руководством Н. В. Тимофеева-Ресовского велись работы столь необходимые конкретно Германии в конкретно военное время, что все вопросы о гражданстве, статусе и прочем уходили далеко на задний план", либо "сильные мира сего посредством спецслужб осуществляли некую комбинацию, Тимофееву-Ресовскому в ней была уготована роль пешки, которую разыгрывали "втемную"...

Арестовали Тимофеева-Ресовского в 1945 году в Берлин-Бухе.

«Невозвращенцу» и ярому критику "лысенковщины" была одна дорога – в Карагандинский лагерь – самый жестокий из всех лагерей ГУЛАГа. К счастью, пробыл он там всего сто дней. Но

и эти сто дней Карлага подействовали на здоровье Николая Владимировича самым разрушительным образом: он заработал тяжелейшую дистрофию и почти потерял зрение.

Трудно сказать кто стал истинным спасителем Тимофеева-Ресовского. Есть свидетельства, что за ученого хлопотал сам Нарком НКВД генерал Завенягин. Еще в Германии при передаче Берлин-Бухского института советским войскам он предлагал Тимофееву-Ресовскому принять участие в советском Атомном проекте. По другим свидетельствам решающую роль в спасении Николая Владимировича сыграл выдающийся французский физик, Нобелевский лауреат и участник Сопротивления Фредерик Жолио-Кюри. Он посетил Москву и обратился к Лаврентию Берии, которому подчинялись все засекреченные военно-научные проекты, о необходимости спасения и предоставления работы крупнейшему радиобиологу.

Таким образом, у советских руководителей постепенно сформировались планы на талантливого ученого. В 1946 году его «достали» из лагеря и после курса реабилитации в московском госпитале привезли на Южный Урал – в так называемую «шарашку» - закрытый объект №0215. На полуострове Мендаркин - берег озера Сунгуль - началось создание так называемой Лаборатории «Б», где Тимофееву-Ресовскому предстояло возглавить биофизическое направление. В результате этой работы появятся несколько сборников исследований по радиоэкологии и радиобиологии.

Выражение «шарашка» - типично советский лагерный сленг. Так называли засекреченные конструкторские и научные лаборатории, где многие выдающиеся советские инженеры, конструкторы, ученые, будучи узниками ГУЛАГа, разрабатывали самые современные образцы военной техники. Через «шарашку» прошли Королев, Туполев и другие авиа-конструкторы. В 1946 году их список пополнил и Тимофеев-Ресовский. Впрочем, слово «шарашка» он не любил. Как не любит его до сих пор сын Николая Владимировича – Андрей Николаевич. Вместе с матерью – женой Николая Владимировича Еленой Александровной - они переберутся в Сунгуль в 1946 году. Помимо семьи в Лаборатории «Б»

Тимофеев-Ресовский обретет привычный круг общения: на объект для работы будут привезены давние знакомцы, коллеги Тимофеева-Ресовского по Берлин-Буху – это выдающиеся немецкие ученые Николаус Риль, Ганс Борн, Карл Циммер, а также русские: Александр Кач и Сергей Царапкин. Появятся и новые знакомые, самым выдающимся из них, пожалуй, станет радиохимик профессор Сергей Вознесенский – так же как и Тимофеев-Ресовский осужденный на десять лет лагерей.

Сегодняшняя территория Лаборатории «Б» - это небольшой штатский район сталинской застройки. Он стоит поодаль от уральской атомной «запретки» города Снежинска. На крутом берегу в окружении поросших соснами гор - зеленый коттедж с мемориальной доской. «Здесь прошли наши лучшие годы» - говорит Андрей Николаевич Тимофеев – сын Николая Владимировича. Он очень похож на отца могучим сложением и точным хищным профилем. А вот мягкий характер, поясняет Андрей Николаевич - это от мамы. Он заходит на террасу, звонит – дверь открывает молодая женщина, новая хозяйка коттеджа. Она радостно ойкает и с криком: «Мама, идите сюда, приехал Андрей Николаевич!» кидается обниматься. Мы проходим по всем пяти комнатам: «Здесь был кабинет Владимира Николаевича. А в этой комнате праздновали свадьбу Андрея ...» Дом теплый и светлый. Из окон потрясающий вид на озеро и горы сплошь в голубых соснах. Андрей Николаевич вспоминает: «Отец говорил: почему Южный Урал называют второй Швейцарией? Это Швейцария – второй Южный Урал!»

Николаю Владимировичу были созданы все условия для жизни – хороший дом, спецснабжение продуктами (ежедневно он мог получать килограмм мяса, полкило рыбы, 125 граммов сливочного масла, поллитра сметаны, сливки, шоколад, крупы – невиданная в послевоенной России роскошь), библиотека ежемесячно наполнялась всеми возможными научными журналами, стоило их только заказать. Однако, самым главным счастьем была

возможность работать. Позднее он оценит уральский период жизни как «экспериментально наиболее продуктивный»: «...Во всем мире считается, что американцы разработали всю медицинскую изотопную, так сказать, биологию и всю водную изотопную биологию. А это все мы раньше американцев сделали... Примерно к концу 60-х – началу 70-х годов я и мои ученики закончили, собственно, работу по этой радиационной биогеоценологии. Пожалуй, эти работы в атомной системе и в Миассово на биостанции на Урале были наиболее продуктивными в моей так называемой научной жизни».

В Сунгуле Николай Владимирович много времени отдавал любимому занятию: просвещению молодых сотрудников. Прежде всего он возобновил совместные обсуждения всех проводимых работ и важнейшей литературы (привычка к «мозговым штурмам» осталась еще со времен кольцовского кружка «Дрозсоор» - получил такое название из-за главного экспериментального объекта дрозофилы). Молодежь влюблялась в него – в его темперамент, эрудицию, чувство юмора и артистизм. По выражению его университетского друга академика Б. Л. Астаурова, Николай Владимирович был "трубадуром современной генетики". Он с большим удовольствием выступал перед любой аудиторией - некоторые из его лекций сохранились на магнитофонных лентах. После закрытия объекта Тимофеев-Ресовский в течение четырех лет будет проводить Миассовские летние школы-семинары по генетике и биофизике (1956-1963), а позднее подмосковные летние школы (1965-1967). В Сунгуле же он не ограничивался научными вопросами. Бывший сотрудник Лаборатории «Б» Гавриловский вспоминал, например, как Николай Владимирович рассказывал об итальянских художниках, сообщая массу подробностей об авторах и самих работах. В качестве экспонатов использовал репродукции, вырезанные из журнала «Огонек».

Словоохотливость Николая Владимировича, а точнее то, что у него «всегда была в кармане пара слов» - предельно метких и беспощадных – не раз служила ученому недобрую службу. Живя в Германии он был убежденным антифашистом и воспитал в этом духе обоих сыновей (один из них – Дмитрий – за антифашистскую деятельность был заключен в концлагерь Маутхаузен, где исчез). Уже упоминалось, что откровенные размышления о советской действительности стоили ему десяти лет заключения. Но это не сделало неутомимого биофизика благоразумным – более того: как вспоминает Андрей Николаевич Тимофеев, Николай Владимирович любил подшучивать над молчаливым профессором Вознесенским, осужденным на десять лет лагерей по доносу: «*Вот ты, Сергей, всю жизнь молчишь, а я говорю, что хочу, и каков результат? – и тебе дали червонец и мне - червонец!*».

Павел Горчаковский вспоминал, как на одной из встреч ученых тех лет появился второй секретарь местного горкома партии. Тимофеев-Ресовский, решив познакомить своего коллегу с номенклатурной личностью, подвел его к партначальнику и сказал: "Вот это мы (показав на себя и группу обступивших его участников совещания), а вот это (представляя нам партсекретаря) - наша крыша. Хоть и не совсем ладная, слегка дырявая, местами протекает, но все-таки она нас как-то защищает". К счастью, партийный босс оказался умным человеком. Он принял это как шутку и только улыбался.

Излишняя откровенность в «закрытых» советской властью темах, не позволили Тимофееву-Ресовскому после расформирования Лаборатории занять должность хоть сколько-нибудь соответствующую уровню его знаний и дарований. Последние свои годы Николай Владимирович провел в Обнинске. Еще на Урале его научные интересы стали смещаться в сторону глобальных общебиологических проблем: биосфера и человечество, биосфера-биогеоценоз-биоценоз-популяция, радиоактивное заражение биосферы, принципы теоретической биологии. И не смотря на это путь в столичные институты был заказан изначально. А появившаяся было в 1957 году возможность возглавить исследовательский центр

по изучению последствий аварии на химкомбинате «Маяк», мгновенно улетучилась – стоило только Николаю Владимировичу публично обсудить этот факт на одной из лекций.

Будучи признанным ученым мирового класса и членом многих иностранных академий и обществ, имея золотую медаль Кимбера, серебряные Дарвиновскую и Менделеевскую медали Николай Владимирович не имел ни диплома гимназии (хотя закончил ее с золотой медалью), ни диплома университета, ни научных степеней. Докторскую диссертацию он защитил в Свердловске только в 1963 г., а диплом доктора наук получил только в 1964 г. после падения Н.С.Хрущева и реабилитации генетики в СССР.

Он почитал науку как высшее проявление человеческого гения и в то же время рекомендовал не относиться к ней «со звериной серьезностью».

Академик Горчаковский дал, как кажется наиболее точную характеристику этого выдающегося представителя вымершего сегодня поколения советско-русских ученых: "Личность Тимофеева-Ресовского была яркой и многогранной, в ней гармонично сочетались два противоположных и, казалось бы, несовместимых качества. Он был аристократом до мозга костей, прежде всего аристократом духа, и в то же время простым русским мужиком."

Снежинск – Екатеринбург

Информационная служба Накануне.RU